
О силе человека в «Собрании стародавних повестей»*

© 2020 г. М.С. Коляда

*Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.*

E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Поступила 02.10.2019

Среди японских средневековых сборников поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*:», 1120 гг.) является крупнейшим. В данной статье представлен анализ 23-го свитка «Собрания», в котором подобраны рассказы об удивительной человеческой силе. При этом излагается следующая интерпретация тематики свитка: пониматься «сила» может по-разному. С одной стороны, это физическая мощь: составитель выбирает рассказы о необыкновенно сильных людях, при этом даже мифологические в основе своей сюжеты трактуются в духе буддийского учения о воздаянии, когда сверхчеловеческие возможности – не чудо в строгом смысле слова, а результат накопления заслуг в прежних рождениях. Персонажами рассказов выступают воины, борцы сумо, аристократы, женщины и старики-монахи. Сила может быть не только внешней, телесной, но и внутренней. Отвага, хладнокровие, предусмотрительность, умение держать себя достойно или здраво относиться к людям тоже становятся объектом интереса составителя «*Кондзяку*». В итоге разнообразные сюжеты, между которыми конструируются сложные взаимосвязи, образуют единое целое свитка, основной идеей которого становится мысль о том, что закон причин и последствий может быть реализован в том числе и таким образом, в судьбах таких людей. Так 23-й свиток наряду с другими свитками «светского» раздела демонстрирует еще одну грань буддийской картины мира, выстраиваемой в «*Кондзяку*».

Ключевые слова: поучительные рассказы *сэцува*, «*Кондзяку моногатари-сю*:», воздаяние, сила.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-156-167

Цитирование: Коляда М.С. О силе человека в «Собрании стародавних повестей» // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 156–167.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18–011–00558 «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю*») в истории японской религиозно-философской мысли».

Human Power in *Konjaku monogatari-shū**

© 2020

Maria S. Kolyada

School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Received 02.10.2019

Amongst Japanese medieval collections of didactic tales *setsuwa Konjaku monogatari-shū* (Tales of Times Now Past, 1120th) is the largest one. This paper discusses *maki* 23 of this *setsuwa* collection, which deals with tales about unordinary human powers. At the same time author speculates that there may be various interpretation of what the “power” is in the capacity of this *maki* subject matter. On the one hand, there are some tales about extraordinary strength of body. Warriors, sumo champions, noblemen, women, old monks – all these different people may be characters of the didactic tales about strength. But even fundamentally mythological stories received a new meaning and interpretation through the lens of Buddhist idea of retribution. Within this framework superhuman capabilities are not the “miracle” in the strict sense but the result of accumulation of merciful deeds in previous life. On the other hand, there are tales about something we can call inner strength – the power of human spirit. Bravery, self-possession, foresight, *savoir vivre* and proper attitude towards people also became the object of interest for compiler of *Konjaku*. Altogether, multifarious stories, connected by multiple ways with complex interdependencies, become organized in the whole of *maki*, with the core idea of retribution. Tales about power in this case were for compiler the way to demonstrate that the principle of causes and effects can be actualized in this manner too. Hereby it’s possible to consider *maki* 23 as a component in elaboration of Buddhist world depicted in *Konjaku*.

Keywords: *setsuwa* tales, *Konjaku monogatari-shū*, retribution, power.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-156-167

Citation: Kolyada, Maria S. (2020) “Human Power in *Konjaku monogatari-shū*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. (2020), pp. 156–167.

«Собрание стародавних повестей» – крупнейшее произведение жанра литературы поучительных рассказов *сэцува*. Короткие дидактические рассказы, написанные простым языком и разнообразные по содержанию, составители объединяли в сборники, сама структура которых становилась инструментом, позволяющим конструировать многомерность смыслов в ряду рассказов, так или иначе связанных друг с другом. Для современного исследователя собрания *сэцува* оказываются богатым источником информации о нравах эпохи, в которую сборники создавались, о бытовой культуре и т. д. В «буддийских» сборниках или соответствующих разделах сборников поднимается религиозная проблематика, «светские» же часто представляются не только источником знаний о повседневной жизни или морали, но и материалом, в котором религиозно-философские идеи непосредственно к этой жизни были приближены, чтобы сделать разнообразие ее проявлений примерами реализации всеобщих принципов, о которых говорит учение.

* The paper is granted by RFBR, Project No 18–011–00558, “*Konjaku monogatari shu* in the history of Japanese religious philosophy”.

При этом поучительной «функциональной единицей» может выступать как отдельный рассказ, так и целый свиток. Рассмотрим, каким образом устроен 23-й свиток «Собрания стародавних повестей», принадлежащий к «светской» части сборника, к «японскому» разделу. Можно сказать, что большинство рассказов в этом свитке так или иначе повествует об удивительной силе их героев. Сила при этом может быть разная, как физическая, так и духовная: от рассказов о замечательной предсмотрительности составитель переходит к рассказам об удивительной физической силе.

Первые двенадцать рассказов не сохранились или, возможно, пропущены специально. О намеренно создаваемых лакунах в тексте «*Кондзяку моногатари*» писал Мабути Кадзуо, предположив, что составитель не считал сборник завершённой работой, а рассчитывал, что текст будет дополняться [Kelsey 1975, 126]. Есть также гипотеза, что на самом деле 23-й свиток был когда-то одним целым с 25-м «воинским» свитком, в котором всего 14 рассказов, два из которых отсутствуют [Кондзяку 1994, 554–555].

В тринадцатом рассказе¹ повествуется о том, что за преступление следует наказание от государя: герои первой половины рассказа, знаменитые воины из рода Тайра, Корэхира и Мунэёри, скорее являют собой пример непредусмотрительности, которая, вкупе с их же выдающимися качествами, повлекла за собою смерть множества людей и изгнание обоих полководцев в провинции. Из-за сплетен воины стали врагами и затеяли сражение, множество людей погибли, а соперники так и не выяснили, кто из них сильнее². К этому случаю добавлено сообщение о расследовании другого преступления – убийства – и о последовавшем наказании.

Зато герой следующего рассказа, сын Мунэёри, Мунэцунэ по прозвищу «Длинная стрела», как раз являет собой пример замечательной предусмотрительности.

23–14. Рассказ о том, как глава Левого дворцовой стражи Тайра-но Мунэцунэ прожил общинного старейшину Мё:сон

В стародавние времена, когда господин Удзи³ был на пике могущества, общинный старейшина (僧正, со:дзё:) Мё:сон из храма Миидэра служил ночные службы, а масла, чтобы зажечь светильники, не привезли.

Подождали немного, и господин, не зная, кого бы из домочадцев отправить по некоему делу, вдруг отправил этого старейшину, и вернуться ему надо было в ту же ночь. Из конюшни вывели для него лошадь надежную, непугливую и неторопливую, а господин спросил у своих служилых: кто пойдёт по этому поручению? А в то время был там глава Левого дворцовой стражи (左衛門尉, сазмон-но дзё:) Тайра-но Мунэцунэ, он и ответил: я, Мунэцунэ, пойду. Хорошо! – порешил господин, а старейшина этот был еще тогда общинным главой (僧都, со:дзу), так что господин распорядился:

– Общинный глава нынче ночью едет в Миидэра, потом сразу же вернется обратно, и возвращаться ему придется уже затемно, так что пусть сопровождение будет надежным.

Мунэцунэ получил приказ, а лук и колчан он всегда держал в караульне, обувался в соломенные сандалии, которые прятал под циновками-татами, а слугой при нем был лишь один жалкий мужичонка. Потому люди, видевшие его, думали: что за слабый, негодный человек! А Мунэцунэ, получив приказ, подвязал свои штаны-хакама снизу тесемками, заправил их концы за пояс-оби⁴, достал сандалии, обулся, закинул колчан на спину, вышел и ждал снаружи, придерживая лошадь.

Вышел и общинный глава, и спросил:

– Ты кто?

– Мунэцунэ, – ответил тот.

– Мы направляемся в Миидэра, а ты стоишь тут так, будто каким-то образом собрался идти пешком! У тебя лошади нет?

– Я и пешком вряд ли отстану. Просто извольте скорее отправиться, – ответил Мунэцунэ.

Общинный глава, думая: «Странные дела!», велел зажечь факел и тронулся в путь. Проехал семь или восемь *тё*⁵, и тут путникам навстречу вышли, подобно черным теням, люди в темной одежде, вооруженные луками и стрелами. Общинный глава испугался, увидев их, а эти люди, завидев Мунэцунэ, пали на колени. «Ваша лошадь здесь, господин», – сказали они, и подвели коня, а какой масти – в темноте не разглядеть. Люди принесли обувь, подходящую для верховой езды⁶, и Мунэцунэ надел ее поверх соломенных сандалий и сел на лошадь.

Два всадника с колчанами за спиной теперь сопровождали их, и общинному главе стало спокойнее. Так проехали еще два *тё*, и тогда откуда-то сбоку появились, как черные тени, два человека, вооруженных луками и стрелами. Мунэцунэ и в этот раз ничего им не сказал, а они вскочили на лошадей и присоединились к отряду. «И это его люди, – понял общинный глава. – Что за необыкновенный человек!» Проехали они еще два *тё*, и снова точно так же появились два воина и присоединились к отряду. Мунэцунэ и тогда ничего не сказал. И так снова и снова, каждое *тё* или два к отряду без всяких слов по двое присоединялись новые люди, и когда они добрались до берега реки Камо, стало их уже два или три десятка. Общинный глава, глядя на это, думал: что за необыкновенный человек! Так они и прибыли в Миидэра.

Передав указания господина, общинный глава [двинулся в обратный путь], всё еще ночью. Со всех сторон его окружали люди Мунэцунэ, и потому монах ехал спокойно, и до реки Камо никто их отряд не покидал.

Когда же они въехали в столицу, хотя Мунэцунэ по-прежнему ни слова этим воинам не сказал, те по два человека стали отставать от отряда – в тех же местах, где появились раньше. И когда до имени господина оставалось одно *тё*, с путниками уже были только те два человека, что появились первыми.

На том месте, где прежде он сел на лошадь, Мунэцунэ спешился, снял обувь для верховой езды, и стал таким же, каким из усадьбы выходил. Когда он ушел, те двое его людей подобрали брошенную обувь, взяли лошадь под уздцы и скрылись из виду. После этого, сопровождаемый только одним жалким слугой, обутый в соломенные сандалии, Мунэцунэ прошел в ворота усадьбы.

Общинный глава, видя этих лошадей и этих людей, все удивлялся тому, насколько же они хорошо обучены и верны своему господину, раз могут появляться подобным образом. Нужно сейчас же рассказать об этом господину! – решил он. И явился к Ёримити, тот еще не спал. Закончив с докладом по делу господина, общинный глава сказал:

– Мунэцунэ – необыкновенный человек! – и рассказал обо всем, что было, ничего не упуская. – Он потрясающий человек, раз за ним следуют такие люди!

Монах думал, что господин, послушав об этом, начнет выспрашивать подробности, но господин, что бы он ни думал, ни о чем спрашивать не стал, так что общинный глава так это и оставил.

Этот Мунэцунэ был сыном воина по имени Тайра-но Мунэёри. Он обладал отважным сердцем и не был похож на прочих людей. Например, он стрелял длинными стрелами, за что люди в свете так и прозывали его: «Главалевой дворцовой стражи с Длинными стрелами» – так передают этот рассказ.

В параллель к этому сюжету можно поставить рассказ о Минамото-но Ёсиэ, упоминающийся в сборнике начала XIII в. «Кодзидан» («Беседы о делах старины»; см.: [Кодзидан 2010, 221–222]), а затем заимствованный в «Дзиккинсё:» («Сборник наставлений в десяти разделах», рассказ 1–34). Ёсиэ, знаменитый воин и полководец, в свое время получивший прозвище «Сын бога Хатиман»⁷ за доблесть на поле битвы, уже в зрелом возрасте ходил играть в го к другому сановнику, в сопровождении единственного слуги. Однажды во время его визита в усадьбу ворвался вооруженный человек, который, однако, тут же остановился, когда услышал прозвище Ёсиэ. А потом оказалось, что неподалеку прятались люди Ёсиэ, около сорока человек, которых до этого никто не замечал. Тут Ёсиэ отличается той же предусмотрительностью, что и Мунэцунэ в «Кондзюку».

В рассказе 23–15⁸ демонстрируется способность героя обращать обстоятельства в свою пользу. Норимицу, хоть и не воин по рождению, был человеком сильным и смелым. Однажды ночью на него напали трое. Герой сумел справиться с ними, а наутро старался вести себя так, чтобы никто не заподозрил его в убийстве, пока все удивлялись мастерству мечника и гадали, что же произошло. Тут же появился человек, солгавший, будто это его рук дело. Норимицу удивился, но решил, что раз так случилось, пусть и слава, и вина достаются этому человеку.

Размышляя о соотношении самого повествования и ремарок составителя (или составителей), исследующий эту проблему на материале 22-го и 23-го свитков Ли Сиджун о рассказе 23–14 пишет, что его темой можно было бы считать талант воина в подготовке к чрезвычайным ситуациям (в то время как относительно смысла авторского заключения мнения могут быть разными [Ли 1995, 79–80]). В этом смысле история Норимицу органически продолжает разговор о внутренней силе человека.

В то же время этот рассказ и о физической силе тоже. Если следовать логике Ли Сиджуна, взаимосвязь между первыми сохранившимися рассказами свитка обеспечивается еще определением воинов, как «людей силы». В эту схему укладывается тогда и рассказ 23–13. Ли Сиджун опирается на оценки крупнейших предшественников в исследовании «Кондзяку» в определении общей темы 23-го свитка как свитка о силе. Однако, как нам кажется, в этой гипотезе акцент прежде всего был сделан на силу физическую, отчего некоторые рассказы кажутся выбивающимися из общей темы, а только «силой» важнейшие мотивы в этих историях не исчерпываются, и тогда для того, чтобы привести основной текст рассказа в согласие с общей темой свитка, могут использоваться обобщающие слова рассказчика, что является одной из функций этих вставок в «Кондзяку», которые подчас соотносятся с основным повествованием довольно неожиданным образом (см.: [Ли 1995]). Нам же представляется целесообразным считать, что свиток посвящен не столько именно физической силе, сколько выдающимся способностям разного рода. Начиная с воинов, обладающих профессионально определенными качествами, составитель переходит к истории Норимицу, который «не воинского рода», но одарен теми же характеристиками.

В следующем рассказе 23–16 развивается тема хитрости. Тут главный герой – сын протагониста прошлого рассказа, Тагибана-но Суэмита, – попадает в неловкую ситуацию, навещая возлюбленную: самураи ее дома устроили на него засаду. Однако мальчишка-слуга, обыкновенно сопровождавший господина вечером к этому дому и встречавший его с утра, заметив необычное, понял, что происходит, и пришел Суэмита на выручку: он дал хозяину знать о своем присутствии, а затем разыграл ограбление и таким образом отвлек самураев, стороживших господина, и дал ему возможность сбежать.

Мальчик здесь описывается словом *касикоки*, мудрый. В «Кондзяку» это часто та самая мудрость, которая граничит с хитростью, – например, в 25-м свитке так характеризуется пожилой господин, выпроводивший из своего имения молодого родича-воина, который необдуманно напал на врага, но не добил его – а значит, стал объектом мести и подставил союзников под удар. Этот выживший враг, знаменитый воин, спасшийся благодаря тому, что сбежал в женской одежде, затем все-таки отомстил, застав врага врасплох, и он тоже описывается этим термином (см. [Кондзяку 1994, 506–507]).

Про Суэмита же сказано в заключение, что он сумел сбежать в этот раз потому, что был сильным человеком с отважным сердцем. По Ли Сиджуну, здесь выводы автора помогают согласовать повествование с темой свитка – силой – и вместе с тем напоминают, что главный герой здесь не только сообразительный мальчик, но и сыгравший довольно пассивную роль Суэмита [Ли 1995, 81–82].

Исключительными качествами в этом рассказе обладают оба: и невозмутимый Суэмита, и мальчик, который сумел составить план для освобождения господина и осуществить его. Однако все это не стало бы возможным, если бы оба героя не действовали настолько слаженно, не имея никакой предварительной договоренности. Для успеха было нужно, чтобы они хорошо понимали друг друга и в должной степени доверяли друг другу. Правильные и неправильные отношения между господином

и подчиненным, умение господина правильно распорядиться талантами его людей, будут и в дальнейшем темой, которой в сборниках поучительных рассказов уделяется особое внимание. Например, в «Сборнике наставлений в десяти разделах» умение человека распознать способности подчиненных и определить им место сообразно с их талантами сравнивается с искусством плотника, работающего с деревом. Составитель подбирает различные истории, описывающие в том числе и неудачные случаи совместных действий господина и слуги (см. [Трубникова, Коляда 2017, 77–78]). Идея этих рассказов всегда в том, что вина в неловких случаях двойная, она заключается не только в глупости исполнителя: господину следует знать слабые и сильные стороны своих людей. Мысль же, что у каждого человека есть свои сильные стороны, которые нужно уметь правильно использовать, не требуя от людей быть во всем идеальными, ясно излагается, например, в текстах воинских указаний потомкам⁹.

Здесь снова вспоминается рассказ о Мунэцунэ: там тема взаимоотношений господина и его подчиненных на самом деле раскрывается даже дважды. Первый раз очевидно: мастерство и слаженность воинов Мунэцунэ удивительны¹⁰, и к тому же характеризуют его собственные уникальные качества, его талант организатора. Верность вассалов и их взаимопонимание с господином настолько глубоки, что слова им не требуются. Мунэцунэ – поистине «искусный плотник». А с другой стороны, не менее хорош в этом и Ёримити. Судя по его реакции на доклад общинного старейшины и по тому факту, что Ёримити согласился с идеей отправить на важное задание именно Мунэцунэ, он прекрасно знал о способностях воина и умел их использовать.

Свиток продолжается серией рассказов про необыкновенную физическую силу. Два первых, 23–17 и 23–18, взяты из «*Нихон рё:ики*» («Японских легенд о чудесах»), буддийского сборника, созданного на рубеже VIII–IX вв., и посвящены богатырям. Заимствования из «*Нихон рё:ики*» обсуждались еще в пору самых ранних исследований «*Кондзяку*»; в «Собрание стародавних повестей» перешло 69 рассказов из «Японских легенд» (еще в трех случаях взяты фрагменты рассказов), и можно говорить о том, что заимствование шло либо напрямую из «*Нихон рё:ики*» в «*Кондзяку*», либо сначала в «*Самбо:эктоба*» («Рассказы с картинками о Трёх Скоровищах», 984 г.), либо через «*Самбо:э*» и «*Хоккэ гэнки*» («Записки о чудесах Лотосовой сутры», 1040-е гг.) [Яманэ 1960].

В рассказе 23–17 описана битва между двумя женщинами с необычайной силой, причем обе героини имеют непростое происхождение: разбойница объявляется потомком человека и лисицы, а ее соперница – монаха До:дзё: из храма Ганго:дзи, который является героем другого рассказа «*Нихон рё:ики*» (он был рожден от бога грома и обладал чудесной силой; см.: [Японские легенды 2018, 187–190]). Непосредственным источником сил обеих женщин, таким образом, служит наследие предков, связанных со сверхъестественными существами. Однако, на наш взгляд, и в «*Нихон рё:ики*», и в «*Кондзяку*» подобное наследие рассматривается как способ реализации закона воздаяния, а мифологические мотивы встраиваются в буддийскую картину мира. В случае первого рассказа о богатырше в «*Нихон рё:ики*» сформулирован вывод: в мире всегда бывают сильные люди, и силой своей они обладают именно потому, что накопили заслуги в прежних жизнях. Заключение истории До:дзё: в том же сборнике повторяет эту идею: «Верно говорю – сила его происходила из достоинств, накопленных в прошлых рождениях» [Там же, 190].

Во втором рассказе эта же, видимо, женщина, внучка До:дзё:, женщина из Овари, возвращает одежду своего мужа, отобранную правителем края, а затем, после развода, проучает издававшихся над нею людей. «*Кондзяку*» заимствует и буддийское понимание природы такой силы:

Люди, видевшие и слышавшие это, говорили: «Удивительно! Что же такое было в ее прошлой жизни (前世, дзэнсэ), что в этот раз она родилась женщиной с такой силищей?» – так передают этот рассказ.

В «*Нихон рё:ики*» это объяснение несколько пространнее и конкретнее:

«В одной сутре говорится: “Если испечь рисовые лепешки и преподнести их Трем Сокровищам, приобретешь силу Нараэны, несокрушимого, как алмаз”. Верно говорю –

женщина стала богатыршей, потому что в прошлых рождениях совершала приношения Трем Сокровищам и монахам большими лепешками» [Японские легенды 2018, 69].

Идея, что все происходящее с человеком обусловлено законом воздаяния, прослеживается во многих свитках «*Кондзяку*», и если причину событий нельзя найти в нынешней жизни, значит, она лежит в деяниях жизней прошлых: например, в 26-м свитке рассказы подобраны специально для того, чтобы ярче продемонстрировать именно этот аспект принципа воздаяния (см.: [Бабкова 2019]). Учитывая, что смысл рассказов раскрывается во взаимосвязи с рассказами соседними, со всеми рассказами свитка и со структурой сборника вообще, получается, сам факт, что составитель поместил рассказы с ясной идеей воздаяния в свиток о силе, проговорив в том числе и основной вывод из «*Нихон рё:ики*», можно понимать как намек на то, что и прочие рассказы свитка нужно рассматривать именно с этой перспективы.

Два следующих рассказа повествуют о монахах, не только преуспевших в учении, но и обладавших неординарной физической силой. Силу эту, как показывают рассказы, можно сделать инструментом для того, чтобы преподать урок людям, живущим неправильно: в обоих случаях главное повествование сосредоточено на том, что грабители решили воспользоваться мнимой слабостью монахов, однако сами оказались «пострадавшей» стороной. В рассказе 23–19 общинный глава Дзицуин отказывается слезать со спины разбойника и ночь напролет гоняет его по разным живописным местам, любуясь луной и слагая стихи, и лишь утром отпускает грабителя на волю (и милостиво одаривает одеждой, которую вор планировал отнять). В рассказе 23–20 общинный старейшина Кантё: без задней мысли ударил напавшего на него разбойника с такой силой, что тот улетел вверх и застрял в строительных лесах. Неизвестно, раскаялись ли в итоге преступники, встретившиеся с такими исключительными людьми, но, во всяком случае, они получили по заслугам.

В некотором роде сила монахов здесь оказывается средством, через которое реализуется «прижизненное воздаяние». В буддийских сборниках немало рассказов, иллюстрирующих эту категорию, в «*Нихон рё:ики*» ей уделяется самое большое внимание; см.: [Японские легенды 2018, 14]. Немало рассказов по этой теме и в «*Кондзяку*» (например, в 20-м свитке), часть из которых заимствована из «*Нихон рё:ики*».

В рассказе 23–21 в центре повествования снова удивительная сила: на этот раз в стычке между школярами и борцами сумо последних неожиданно посрамляет некий маленький ростом школяр, обладающий явно нечеловеческой силой и после исчезновения без следа. Не очень понятно, к чему относятся заключительные слова составителя «было это необычно»: являются ли они похвалой силе школяра (о котором в итоге не известно, кто он был таков) или просто выражают удивление (см.: [Ли 1995, 84]). А возможно, необычно здесь то, что этого силача не смогли найти? Не намек ли это на его сверхчеловеческую природу? По логике свитка такой вариант маловероятен, поскольку другие герои очевидно люди, да и вообще в литературе *эцува* множество примеров необыкновенно сильных людей. И поскольку речь идет о человеке, способности таких силачей – не «чудо», они являются логичным результатом действия закона воздаяния, накопления заслуг этими людьми.

И среди борцов бывали люди необыкновенной силы: два следующих рассказа рисуют картины противоборства выдающихся сумоистов и животных. В первом борец победил гигантского змея, сивившегося утащить его в реку; во втором другой чемпион сражался с акулой, причем выжил не только из-за физической силы, но и благодаря знанию повадок рыбы и способности хладнокровно просчитать свои действия в экстремальной ситуации, не поддаваясь панике.

В рассказе 23–24, продолжающем линию повествований о сумоистах, вновь появляется тема необыкновенно сильной женщины и сочетается с сюжетом наказания неудачливого преступника. Интересен способ изложения рассказа: здесь читателю сначала не сообщается о силе женщины; вместо этого происходящее показывается глазами испуганного слуги, который бежит к хозяину со страшным известием, но видит брата заложницы совершенно спокойным.

23–24. Рассказ о силе младшей сестры борца сумо Оои-но Мицуттоо

В стародавние времена в краю Каи (甲斐国) жил Левый борец сумо по имени Оои-но Мицуттоо. Он был низкий и толстый, но талантливый, быстрый и очень сильный, и стал прекрасным борцом. И была у него еще младшая сестра, женщина лет двадцати семи или двадцати восьми, наружностью прекрасная. Жила эта сестра в отдельном доме.

Однажды преступник, убежавший от преследователей, с мечом наголо ворвался в дом, где жила эта сестра. Он взял ее в заложницы, схватил, угрожая ей мечом. Увидел это слуга, испугался, всполошился, побежал в дом Мицуттоо, сообщил ему: барышню взяли в заложницы! А Мицуттоо, ничуть не обеспокоившись, говорит: «Эту даму смог бы взять в заложницы разве что Удзинага из Сацума¹¹, что жил в старые времена». Удивительно, подумал слуга, и побежал обратно, и, не доверяя словам хозяина, подглядел в щелку. Было это в девятом месяце, поэтому на даме были одежды с тонкой ватной подкладкой. Одной рукой она прикрывала рот, а другой успокаивающе придерживала за локоть руку мужчины, выхватившего и приставившего к ней меч. Мужчина, угрожая ей большим мечом, скрутил ее и держал, обхватив сзади ногами и приставив меч к ее животу.

Барышня, правой рукой придерживая руку мужчины с мечом, левой прикрывала лицо, будто плакала. А перед нею было разбросано два или три десятка бамбуковых палок¹². Будто играя, дама стала водить по полу одной из них, пальцами придерживая за коленец, и вдруг разломилась эта палка в мелкие щепки, легко, словно трухлявое дерево. Выглядело это странно, и мужчина, взявший даму в заложницы, не сводил с нее глаз. А тот, что подглядывал, подумал: «Да, правильно господин старший брат не беспокоился. Силач-господин только молотом смог бы раздробить такой бамбук! Что за сила у этой дамы, что она такое сотворила! Она и этого мужчину, наверное, пальцами раздавит!». Преступник же, глядя на это, понял, что ничего у него не выйдет. «Даже с мечом я точно с ней не справлюсь. Эта дама с ее силой просто раздавит мою руку, – думал он. – Она так и всего меня может переломать. Что тут поделаешь? Нужно бежать». И вот он выждал удобный момент, отпустил женщину и бросился прочь, да бежал так, словно летел. Но тут собралось множество людей, преступника поймали, скрутили и бросили перед Мицуттоо.

Мицуттоо спросил:

– И отчего же ты отпустил заложницу и убежал?

А преступник и отвечает:

– Поскольку другого выхода у меня не было, я взял ее в заложницы, думая, что она – обычная женщина. А потом я увидел, как она рукой раздробила большущий бамбук, будто трухлявое дерево. Я удивился и подумал, что с такой силой она и руку мою могла бы раздробить. И убежал.

Мицуттоо, услышав это, расхохотался и говорит:

– Ты бы ни за что не смог хотя бы раз ударить ее мечом. Попытался бы – она бы схватила твою руку, вывернула бы ее и плечевую кость изничтожила бы, изломав на куски. Повезло тебе, что твое предплечье не оторвали. Благодаря тому, что было в твоих прошлых жизнях, эта дама тебя не покалечила. Даже я, Мицуттоо, мог бы убить тебя голыми руками. Схватил бы за руку, скрутил, повалил на землю, наступил бы на живот, раздавил бы ребра – выжил бы ты после такого? А эта дама сильнее меня в два раза! Вот так, хотя она и выглядит хрупкой женщиной, если бы я схватил ее забавы ради, то она ухватила бы меня за руку с такой силой, что рука бы разжалась, выпуская ее. Как жаль: будь она мужчиной, стала бы борцом, которому не нашлось бы соперника! Какая жалость, что она родилась женщиной!

Преступник, услышав это, до смерти испугался.

– Думал я, что она обычная женщина и будет прекрасной заложницей. Я не знал, что она на такое способна! – в слезах сказал мужчина.

– Мне стоило бы непременно убить тебя. Ошибка с этой дамой тоже могла бы привести к тому, что она тебя бы убила – ты мог бы погибнуть все равно. Но ты

поступил умно, быстренько сбежав. Ты спас свою жизнь, так что не стоит теперь ее отнимать. Слушай, ты! Эта дама – человек, способный своими хрупкими ручками большой олений рог, переломив о колено, раздробить на куски, словно сухое дерево. О тебе и говорить нечего после этого!

Так сказал Мицуттоо, а тот человек пустился в бега.

Поистине, это была женщина исключительной силы, – так передают этот рассказ.

Если сопоставить этот рассказ с заимствованными из «*Нихон рё:ики*», сюжетно, в общем-то, схожими (рассказ о богатырской силе женщины), то особенно хорошо видно, насколько изменился подход к изложению поучительного материала в «*Кондзяку*». Герои становятся намного более живыми, а само повествование полно ярких деталей. А.Н. Мещеряков писал о ранних сборниках: «Мир буддийских преданий – это мир идеальных причинно-следственных связей. Как только в начале повествования сообщается о герое, злодей он или добролюб, читателю уже ясен исход рассказа. Значимость легенды – не в ее занимательности, а в ритуальном подтверждении и утверждении социальной справедливости» [Японские легенды 2018, 16]. Но для рассказчика «*Кондзяку*» этого уже мало. Он знает, как сделать рассказ занимательным, умеет добиться комического эффекта, как в рассказе про монаха, который всю ночь ездил на спине разбойника, или максимально удивить слушателей – как в случае с прекрасной с этой точки зрения композицией рассказа про Кантё:, который, видимо, даже сам не знал меры своей силы.

Два последних рассказа свитка посвящены соревнованиям. В первом случае дело кончается плохо: борются два сумоиста, герои рассказов про школяров (23–12) и про битву со змеей (23–22), но в итоге один из них погибает от травм, а второй вынужден уехать в позоре. В этом рассказе необыкновенная физическая сила героев становится злом, а не благом. При том что ни один из героев не хотел соревноваться, им не позволяют избежать поединка, а потом один из них, разозлившись в безвыходной ситуации, слишком жестоко обошелся с соперником. Но из того, как печально развиваются события, не следует вывода, что соревновательность – это плохо вообще. Напротив, составитель рассказывает о том, что и запрещать соревнования по религиозным поводам – не самое разумное решение. В связке со следующим рассказом, скорее, кажется, что смысл в другом: люди должны знать меру. Со стороны вышестоящих было глупо заставлять борцов сражаться, и это привело к трагедии, как и недостаток внутренней силы одного из участников. Этот рассказ демонстрирует, что одной лишь физической мощи человеку недостаточно. И в то же время рассказ снова отсылает к теме «искусного плотника» (в данном случае оказавшегося неискусным).

В последнем же рассказе проигрыш (в данном случае не в сумо, а в скачках) обрачивается для героя скорее благом: все подумали, что проиграл он специально, чтобы показать на своем примере, как следует вести себя потерпевшему поражение участнику. Люди сочли преднамеренный проигрыш героя своего рода благородным поступком. Но даже если представить, что такое мнение было необоснованным, в любом случае протагонист, Канэтоки, вел себя достаточно выдержанно, хладнокровно и достойно (то есть проявил «внутреннюю силу»), чтобы дать зрителям основания так считать. В этом смысле рассказ, который выбивается из схемы, если считать темой свитка лишь физическую мощь¹⁵, логично ложится в систему историй о «разной» человеческой силе.

В целом взаимосвязь между рассказами свитка получается настолько плотной, с таким количеством переключек, что одного понятного принципа «два рассказа – один ряд», описывающего связь между любыми двумя рядом расположенными рассказами (принципа, который является основополагающим для структуры сборника) становится мало. Между рассказами свитка существует многослойная связь, которая позволяет по мере чтения новых историй высвечивать новые смыслы в уже прочитанных и в то же время видеть, как становятся ярче определенные акценты в новых рассказах под влиянием уже прочитанных. Было ли создано это богатство единым замыслом или работой

разных людей, из которых кто-то занимался подгонкой авторских послесловий ради соответствия отдельных рассказов общей тематике свитка, – по сути, уже не столь важно. М. Келси, говоря о значимости идей Кунисаки Фумимаро, автора концепции «два рассказа – один разряд», призывает рассматривать каждый свиток как единое целое и не пытаться судить о сборнике по его отдельным рассказам, а вместо того пытаться понять, как работает в этом замысле каждый свиток. При таком подходе истории, казалось бы, сами по себе лишены большой литературной ценности, могут оказаться важным функциональным элементом в совокупности рассказов, в сочетании которых и кроется часть красоты сборника [Kelsey 1975, 124]. Келси прав, и его правота доказывается всякий раз, когда для анализа берется последовательность рассказов из «Кондзяку».

Герои 23-го свитка – люди «удивительные», однако «чудесными» их способности, пожалуй, не назовешь. Люди могут обладать выдающимися талантами того или иного рода, могут даже обладать физической силой, превышающей нормальные человеческие возможности, однако в целом это не является чем-то «неестественным». Герои именно таковы прежде всего потому, что заслужили свою силу – какого бы рода она ни была – своими деяниями в прежних рожденьях. Это лишь одно из проявлений закона воздаяния. Чудо же в буддийском понимании случается не тогда, когда человек пожинает плоды своих деяний, а когда человеческий мир соприкасается с другим, живущим по иным законам миром, и «кто-то могущественный из лучших миров обращает часть своих заслуг на пользу данному существу, терпящему страдания» [Трубникова 2019, 84]. Все, что происходит с персонажами 23-го свитка, выходит за рамки «обычного» или «обыденного», но не нарушает нормальной логики, по которой функционирует мир. Люди могут быть и такими, показывает составитель сборника, закон причин и последствий может работать и таким образом. В 22-м свитке, посвященном роду Фудзивара, можно видеть, как он реализуется в судьбе рода, достигшего необыкновенного могущества. В 23-м – примеры людей, обладающих удивительной силой. В следующем свитке будет продолжена тема человеческих талантов, а свиток 25-й посвящен рассказам о воинах, их силе и их способностях. Так с помощью разных примеров демонстрируются универсальные принципы, по которым устроен универсум.

Примечания

¹ Перевод свитка на английский язык см. [Dykstra 2015].

² Аналогичная ситуация описывается в третьем рассказе 25-го свитка, однако там поссорившиеся военачальники сумели решить разрешить конфликт в личном поединке, а затем и вовсе покончили с враждой.

³ Имеется в виду Фудзивара-но Ёримити (藤原頼通, 992–1074).

⁴ Чтобы длинные штаны не мешали двигаться.

⁵ Тё – 109,09 м.

⁶ Кожаную обувь.

⁷ Хатиман был божеством, особенно почитаемым воинами.

⁸ Этот рассказ позднее возникнет в сборнике *сэцува* начала XIII в. «Удзи сю:и моногатари». С 23-м свитком в «Удзи сю:и» совпадают еще пять рассказов, в «Кондзяку» это 23–16, 23–20, 23–21, 23–22, 23–24. Перевод версии из «Удзи сю:и» на русский язык можно посмотреть в издании [Удзи сюи 2019]. Что касается пересечений с иными сборниками, помимо двух заимствований из «Нихон рё:ики», обсуждаемых в этой статье, рассказ 23–26 возникает в «Го:кэ сидай» (1111 г.) и «Кокон тё:мондзю:» (1254 г.), а 23–15 – в «Годансё:» (1104–1108 гг.).

⁹ Подробнее см.: [Коляда 2017].

¹⁰ И, кроме того, характеризуют его как воина. В этом рассказе очень хорошо видно, как другие люди судят о человеке, исходя из знания принципа организации военных отрядов того времени. Логика здесь такова: за достойным человеком следуют многие, поэтому чем больше подчиненных у воина, тем он более доблестный в глазах остальных.

¹¹ 薩摩の氏長, знаменитый борец сумо.

¹² Заготовки для древка стрел.

¹⁵ Однако это противоречие будет намного менее значимым, если считать, что 23-ий свиток и 25-й некогда были одним, потому что, хотя искусство верховой езды и не было исключительно воинским занятием, но было важной составляющей жизни воина, и таким образом появляется некоторая ассоциативная связь между рассказами.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кодзидан 2010 – Синтю: Кодзидан [Беседы о делах старины с новыми комментариями]. Под ред. Асами Кадзухико, Ито: Тамами, Утида Миоко и др. Токио: Касама сёин, 2010. (Asami, Kazuhiko, Ito, Tamami, Utida, Mioke, eds. (2010) *Shinchū Kojidan*, Tokyo: Kasamashoin, in Japanese).

Кондзяку 1994 – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон ко-тэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 36. Под ред. Коминэ Кадзуаки, Ямагучи Акио. Токио: Иванами, 1994. (Komine, Kazuaki, Yamaguchi, Aki, eds (1994) *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo, SNKBT series, Vol. 36, in Japanese).

Удзисюи 2019 – Рассказы, собранные в Удзи (Удзи сюи моногатари). Пер. с яп. и коммент. Г.Г. Свиридова под ред. А.Н. Мешчерякова. СПб.: Издательский дом «Гиперион», 2019. (*Uji Shūi Monogatari*, translated into Russian by Georgiy G. Sviridov, ed. by Alexander N. Meshcheryakov).

Японские легенды 2018 – Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.). Пер. с яп. А.Н. Мешчерякова. М.: Издательство Медков С.Б., 2018. (Meshcheryakov, Alexander, trans. (2018) *Japanese Miraculous Tales* (9th-11th century). Moscow: Izdatelstvo Medkov S.B., in Russian).

Dykstra 2015 – Dykstra, Yoshiko, trans. (2015) *Buddhist tales of India, China, and Japan: a Complete Translation of the Konjaku monogatari shū*. Vols. 3. Honolulu: Kanji Press.

Ссылки – References in Russian and Japanese

Бабкова 2019 – Бабкова М.В. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 86–97.

Коляда 2017 – Коляда М.С. Ходзэ Сигэтоки и его наставления потомкам. Ходзэ Сигэтоки. Наставления господина Гокуракудзи. Перевод со старояпонского и примечания М.С. Коляды // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 155–182.

Ли 1995 – Ли Сиджун. Кондзяку моногатари-сю: маки нидзю:ни, маки нидзю:сан-но ко:сацу. Хё:го-ни араварэта хэнсядзо-о мотомэтэ [Размышления над 22-м и 23-м свитками «Кондзяку моногатари-сю:». Анализ образа составителя в его выражении через его замечания] // То:кё: дайгаку хикаку бунгаку то бунка кэнкю:кай ронсю:. 1995. № 11. С. 71–89.

Трубникова 2019 – Трубникова Н.Н. Закономерные чудеса: буддийский взгляд на чудесное в «Собрании стародавних повестей». Часть I // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 82–93.

Трубникова, Коляда 2017 – Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Воинский взгляд на мир в сборниках поучительных рассказов XIII в. // Историко-философский ежегодник. 2017. С. 70–93.

Яманэ 1960 – Яманэ Кэнкити. Кондзяку моногатари-сю: то Нихон рё:ики-тоно канкэй [Взаимосвязь между «Кондзяку моногатари-сю:» и «Нихон рё:ики»] // Осака дайгаку кокубунгаку кэнкю:сицу гобун. 1960. № 23. С. 15–21.

References

Babkova, Maya V. (2019) “The Meaning of The Notion Hō in 26th Volume of Konjaku Monogatari Shū”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3, pp. 86–97.

Kelsey, W. Michael (1975) “Konjaku Monogatari-shū. Toward an Understanding of Its Literary Qualities”, *Monumenta Nipponica*, Vol. 30, No. 2, pp. 121–150.

Kolyada, Maria S. (2017) “Hojo Shigetoki and His Precepts for the Descendants”, Hojo Shigetoki, “Gokurakuji-dono goshosoku”, Translated into Russian by Maria S. Kolyada, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2017), pp. 155–182.

Lee, Si-Jun (1995) “Konjaku Monogatari-shū maki nijūni, maki nijūsan-no kōsatsu” [A Study on Books 22 and 23 of the Konjaku-Monogatari-Shū], *Tōkyō daigaku hikaku bungaku to bunka kenkyūkai ronshū*, Vol. 11, pp. 71–89 (in Japanese).

Trubnikova, Nadezhda N. (2019) “Regular Miracles: Buddhist View of the Wondrous in Konjaku monogatari-shū. Part I”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2, pp. 82–93.

Trubnikova, Nadezhda N., Kolyada, Maria S. (2017) “Warrior’s World View in Kamakura Setsuwa Collections”, *History of Philosophy Yearbook 2017*, pp. 70–93 (in Russian).

Yamane, Kenkichi (1960) “Konjaku Monogatari-shū to Nihon ryōiki tonō kankei [Connections between Konjaku Monogatari-shū and Nihon ryōiki], *Osaka daigaku kokubungaku kenkyūshitsu gobun*, Vol. 23, pp. 15–21 (in Japanese).

Сведения об авторе

КОЛЯДА Мария Сергеевна –
научный сотрудник Школы актуальных
гуманитарных исследований РАНХиГС.

Author’s Information

KOLYADA Maria S. –
researcher, School of Actual Studies
in Humanities RANEPА.